

ОЛИВИЯ РОУЭН

ВЕРЕСКОВАЯ ТЬМА

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Некоторые двери
никогда не должны быть открыты

Оливия Роуэн

Вересковая тьма

«Автор»

2026

Роуэн О.

Вересковая тьма / О. Роуэн — «Автор», 2026

После гибели родителей двадцатиднолетняя Альма Грей привыкла жить так, будто от неё больше ничего не зависит. Поэтому приглашение провести рождественские каникулы в старинном Блэквуд-Холле кажется ей всего лишь возможностью ненадолго сбежать от привычной пустоты. Но с первой минуты в поместье Альму не оставляет странное чувство: она уже видела этот дом. Возможно, во сне. Вместе с подругами она находит в запертом крыле дневники покойной Элеоноры Блэквуд. Среди бытовых записей скрывается описание старого ритуала, способного открыть дверь для тех, кто просит о помощи. Конечно, три студентки не верят в семейные легенды. Поэтому решают проверить. В ту же ночь в парадную дверь Блэквуд-Холла стучат. Некоторые двери никогда не должны быть открыты.

© Роуэн О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Оливия Роуэн

Вересковая тьма

Глава 1

Семья напротив меня выглядит безупречно. Настолько, что я пытаюсь найти подвох.

Потом понимаю: возможно, никакого подвоха нет. Возможно, это я просто разучилась понимать, каково это — быть живой.

Последние сорок минут я невольно наблюдаю за ними. Мужчина бережно чистит мандарин, но случайно обрызгивает соком рукав своего джемпера и тихо ругается. Его сын, мальчик лет семи, с важным видом отказывается от дольки, потому что внутри «опасная косточка», а мать, сонно улыбаясь, поправляет растрёпанные волосы старшей дочери, спящей у неё на плече. Они занимают четыре места из шести, шуршат бумажными пакетами и производят столько шума, будто вагон принадлежит им по праву рождения.

Странно, но меня это не раздражает. К горлу подкатывает сухой ком. Я заставляю себя сделать глубокий вдох. Выдох.

В моей комнате в общежитии нет ни одного живого растения. Ни кактуса, ни даже пластикового — я специально не завожу ничего, за что пришлось бы отвечать. Ничего, что могло бы, если я забуду о нём, взять и умереть.

За окном поезда Йоркшир постепенно исчезает под снегом. Он ложится на холмы, на сухие кустарники и старые каменные ограды, разделяющие поля. Снег идёт уже второй час, постепенно выбеливая пейзаж, делая весь мир вокруг подозрительно чистым.

Словно достаточно нескольких сантиметров снега, чтобы спрятать под ним всё неприятное.

Если бы всё было так просто.

Телефон на столике резко вибрирует. Экран вспыхивает ярким светом. Я автоматически провожу большим пальцем по костяшке указательного — старая привычка каждый раз, когда сердце начинает биться чуть быстрее.

Хлоя: *Ты жива?*

Хлоя: *Это не риторический вопрос.*

Я успеваю напечатать только «да» в нашем общем чате с подругами, когда снова сыплются сообщения.

Виктория: *Она опаздывает?*

Хлоя: *Поезд идёт по расписанию.*

Виктория: *Тогда почему её ещё нет?*

Хлоя: *Потому что расстояние продолжает существовать, Вик.*

Виктория: *Альма, скажи ей, что она отвратительная подруга.*

Пальцы висят над экраном.

Я: *Она отвратительная подруга.*

Три точки появляются почти сразу.

Хлоя: *Я вас обеих ненавижу.*

Губы сами растягиваются в улыбке.

Хлоя всегда проверяет, всё ли со мной в порядке, делая вид, будто просто язвит. Виктория никогда не спрашивает, всё ли в порядке. Она сразу решает, как это исправить.

Я закрываю глаза, и память сама подсовывает первый семестр. Благотворительный вечер колледжа. Просторный зал с хрустальными люстрами, где девушки вокруг витали в облаках

из шёлка и дорогого парфюма, а я стояла у стола с шампанским в платье за двадцать девять фунтов из секонд-хенда и туфлях с распродажи.

— Интересно, её вообще приглашали? — раздался за моей спиной тихий, отравленный смешок.

Я уже сжала кулаки, готовясь сбежать, когда рядом возникла высокая блондинка с безупречно прямой спиной. Виктория Блэквуд даже не повернула головы в сторону сплетниц. Она просто взяла с подноса два бокала, сунула один мне в руку и громко произнесла:

— Она со мной. А вот ваши фамилии, кажется, только что вычеркнули из списка гостей моего отца.

Те мгновенно побледнели и растворились в толпе. В тот вечер Виктория проговорила со мной два часа, ни разу не спросив, сколько стоило моё платье и почему я пришла одна.

А Хлоя появилась через три дня. Мы молча сидели в столовой, когда незнакомая девушка поставила на наш стол ноутбук и села напротив.

— Вы всегда так напряжённо молчите, или сегодня особый случай? — спросила она, посмотрев на нас сквозь дужку очков. — Я Хлоя. И если вы продолжите так сжимать челюсти, к тридцати останетесь без зубов.

В тот день Виктория демонстративно не заметила цену моей одежды, а Хлоя — действительно её не заметила.

Рядом с ними я иногда почти верю, что Альма Грей — обычная двадцатиоднолетняя студентка элитного колледжа, которая учится там по стипендии, и у неё впереди гораздо больше, чем осталось позади. На короткие промежутки времени мне даже не приходится изображать себя прежнюю. Смеюсь. Сдаю эссе вовремя. Притворяюсь, что мне интересно спорить в пабе о преподавателях и экзаменах, выяснять, кто из них кого ненавидит, и обсуждать чужие неудачные романы.

Именно Виктория две недели назад заявила в мою комнату в общежитии, посмотрела на стопку книг, которой я собиралась заполнить каникулы, и просто сказала: «Ты едешь со мной». Не «хочешь?». Не «было бы неплохо».

Когда твоя подруга — наследница древнего йоркширского рода, её желания становятся законами физики.

Поезд начинает притормаживать. Семья напротив приходит в движение. Мальчик прыгает на сиденье и прижимается носом к запотевшему стеклу.

— Бабушка!

Я смотрю в окно раньше, чем успеваю себе запретить.

На платформе промежуточной станции женщина в ярко-красном пальто и забавной вязаной шапке машет обеими руками. Девочка просыпается, отец подхватывает чемоданы, мать торопит детей. Через полминуты они высыпают на перрон и тонут в сумбурных объятиях под общий хохот и крики.

Я отворачиваюсь к противоположному окну.

Иногда человек особенно остро понимает, что у него больше нет дома, когда видит, как кто-то другой возвращается в свой.

Память тут же подсовывает картинку: старый деревянный стол на нашей кухне, папа, который каждый год покупал ёлку настолько огромную, что потом со смехом отпиливал верхушку прямо на ковре, и мама, заваривающая чай с корицей в чашке со сколотой ручкой. Мама всегда приезжала на станцию встречать меня слишком рано. Она стояла на платформе в своём потёртом бежевом пальто, кутаясь от ветра, и махала мне ещё до того, как поезд полностью останавливался...

Я обрываю мысль на полуслове. Закрываю глаза. Вдох. Выдох.

На моей станции выходят всего несколько человек.

Я натягиваю перчатки ещё до того, как открываются автоматические двери. Пальцы, как обычно, ледяные уже много месяцев — они просто отучились согреваться.

Стягиваю чемодан на платформу. Воздух здесь настолько колкий, что обжигает лёгкие. В сумерках у автомобиля ждёт мужчина в строгом пальто, держащий табличку: MISS GREY.

Я почему-то разочаровываюсь. Я представляла Викторию прямо на платформе — громкую, раздражённую холодом и наверняка без шапки.

— Мисс Грей? — спрашивает водитель.

— Альма.

Он сухо кивает, берёт чемодан и распаковывает передо мной дверь автомобиля.

Мы выезжаем со станции, и городские детали начинают таять с пугающей скоростью. Сначала исчезают магазины и кафе. Потом редкие жилые дома. Затем гаснут уличные фонари. Дорога сужается, превращаясь в тёмный коридор среди заснеженных полей. Связь на телефоне окончательно пропадает — значок «No Service» кажется точкой, поставленной в конце привычного мира.

— Дорога выглядит заброшенной, — говорю я.

— Зимой здесь почти не ездят, мисс, — отвечает Джеймс, не поворачивая головы.

— Даже местные?

Он задерживает взгляд на мне в зеркале заднего вида.

— Местным незачем ехать к Блэквудам.

Ели у дороги становятся всё выше и гуще. Наконец фары выхватывают из тьмы массивные каменные столбы, занесённые снегом. На одном глубокими буквами высечено: **BLACKWOOD.**

Мы въезжаем в старый лес. Ветви деревьев смыкаются высоко над машиной, словно своды. А затем деревья резко расступаются.

И я вижу его.

Это не дом. Он слишком велик, чтобы казаться жилым.

Тёмные каменные стены поднимаются над белым полем. Высокие узкие окна светятся золотом. На центральных дверях висят праздничные венки из хвои, вдоль карниза тянется гирлянда. Всё это должно было сделать дом уютнее.

Почему-то не делает.

Украшения выглядят на древнем фасаде так же неуместно, как помада на губах трупа.

На втором этаже, в одном из тёмных окон, шевелится плотная портьера. Мне кажется, за ней кто-то стоит и смотрит вниз.

Я всматриваюсь — окно уже пустое. Просто игра теней и метели.

Машина останавливается.

Прежде чем водитель успеет обойти автомобиль, дубовая парадная дверь особняка распаковывается. На верхнюю ступеньку выбегает Виктория — в огромном светлом свитере, совершенно не сочетающемся с угрюмым камнем дома.

— Альма! Наконец-то! Я думала, ты застряла в сугробе! — кричит она, перекрывая ветер, и быстро сбегает по лестнице прямо без куртки.

Водитель тянется к чемодану, но Виктория вскидывает ладонь:

— Оставьте, Джеймс. Она моя.

Она подлетает ко мне, сжимает в объятиях и тут же всплескивает руками:

— Боже, ты снова ледяная! Заходи скорее, Хлоя уже заварила чай и требует вино!

Я улыбаюсь и с удивлением понимаю, что не заставляла себя. Рядом с Викторией мрачность дома кажется почти смешной.

Виктория увлекает меня за собой вверх по ступеням.

Я переступаю порог и на мгновение замираю.

Не от холода. Просто в груди возникает странное, совершенно нелепое чувство. Будто я уже видела это место — не наяву, а где-то на самом дне сна, в короткой вспышке, которую утром обычно списываешь на игру уставшего мозга.

— Альма? Ты чего? — оборачивается Виктория.

— Ничего. Иду.

Я заставляю себя шагнуть вперёд.

За моей спиной закрывается дубовая дверь. В замке сухо щёлкает язычок.

Глава 2

В глубокой тишине холла сухо и окончательно щёлкает металлический язычок замка.

Густой воздух особняка мгновенно облепляет кожу. Он пахнет застарелым воском, полированным деревом, хвойной смолой и чем-то неуловимо древним — так пахнут библиотеки, где книги не открывали десятилетиями.

— Сбрасывай пальто, Альма, ты дома! — Виктория уже на ходу расстёгивает пуговицы своего светлого свитера, движения её по-хозяйски резкие, уверенные. Она подхватывает мой чемодан, с глухим стуком ставит его у подножия массивной резной лестницы и резко поворачивается ко мне.

На шумящий сквозняк из глубины коридора выплывает Хлоя.

На ней огромный домашний худи цвета мокрого асфальта, из-под которого торчат тонкие лодыжки в шерстяных носках. В правой руке — кружка, от которой поднимается пар, левой она поправляет съехавшие на нос очки в роговой оправе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.